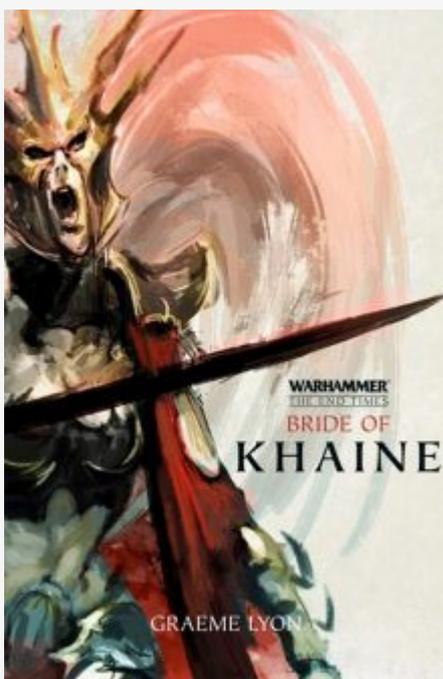

Невеста Кхайна / Bride of Khaine (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Невеста Кхайна / Bride of Khaine
(рассказ)

Автор	Грэм Лион / Graeme Lyon
Переводчик	С.pthty
Издательство	Black Library
Серия книг	Конец Времён
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Время крови, год 223 Эпохи Возмездия

Я – сломленная королева разрушенного города.

Я сижу на железном троне в грязном каменном зале на вершине своей башни, глядя затуманенными глазами на улицы, охваченные пламенем и смертью.

- Как они посмели? – не в первый раз шепчу я сквозь потрескавшиеся и разбитые губы. Как людям только хватило духу прийти в мой город и убивать моих подданных? По воле Кхаина, убивать живущих в Хар Ганефе друкайи – моё право, не их.

Мне следует быть внизу, убивая поклоняющихся самозванному Кровавому Богу варваров и глупцов, осмелившихся встать между ними и мной. Но я заточена здесь. Сегодня настанет Ночь Смерти, ночь Кхаина, когда по всему Наггароту мои дочери вознесут хвалу Кроваворукому, упиваясь жестокими убийствами неосторожных. В эту ночь я верну себе силу и юность.

Уже много месяцев я слаба, кожа высохла словно пергамент, а кости стали хрупкими. Я закуталась в меха, словно одна из диких северянок, чтобы отогнать продирающий холод. Искушённые волосы посерели, перед глазами всё плывёт, а суставы ломит. Вот почему я не внизу. Вот почему я не убиваю. Но уже через несколько часов взойдут луны, и я омоюсь в Котле Крови. Я вновь стану сильной и отомщу всем, кто встанет на моём пути.

Я вглядываюсь в гадательное зеркало, пытаюсь не смотреть на таящееся за образами резни уродливое отражение. Всё на нём плывёт, следуя моим мыслям и ища одного эльфа. Ища моего чемпиона.

- Мой чемпион...

Слова прошелестели тихим ветерком, но вспыхнули в разуме Туллариса Несущего Ужас с мощью урагана. Он взмахнул Первым Драйхом, рассекая татуированную грудь дикого северянина, и прошептал молитву обратившемуся к нему божеству. Слова Кхаина свидетельствовали, что бог доволен сегодняшним кровопролитием, как был доволен им во все дни прошлых недель. Многие души отправились в объятия бога убийств с тех пор, как Кровавая Орда обрушилась на Хар Ганет.

Тулларис обернулся, вонзив свой драйх в глотку носящего тяжёлую броню человека, а затем вырвал его в фонтане крови. На место павшего демонопоклонника встали два козлоголовых зверолода, заросших странным мехом и сжимающих примитивные секиры. Один из них прыгнул на Герольда Кхаина, высоко подняв оружие над головой. Быстрым ответным ударом Тулларис разрубил деревянную рукоять секиры и рассёк запястья зверолода. Тварь рухнула, бляя от муки, а его спутник ударил сзади, метя в шею палача.

Тулларис прыгнул, уходя от неуклюжего взмаха, и ударил в ответ, но существо увернулось, двигаясь быстрее, чем палач ожидал бы от такого громилы.

- Впечатляюще для дикого зверя, - прошептал Тулларис, ударив бронированным локтём и сломав трахею порченной Хаосом твари. Существо выронило топор, вцепившись в изувеченную шею. Палач медленно обернулся, вонзив клинок драйха в покрасневшую от крови землю, и достал из сумки на поясе кинжал. Тулларис высек руну Кхаина на груди кашляющего и задыхающегося зверя медленными и выверенными ударами. Тварь смотрела на него, а он гадал, как же могут такие едва разумные порождения Хаоса быть угрозой в землях людей. Воистину слабость низших рас не знает границ.

- Ты гадаешь, почему я делаю это, зверь, - говорил Тулларис. Он знал, что тварь не поймёт, но порядок есть порядок. – Если бы ты был эльфом, то я бы воспользовался Первым Драйхом. Но ты недостойн этого клинка, благословенного самим Кхаином, основавшим мой орден.

Сделав последний удар, палач смотрел, как кровь зверолода течёт по очертаниям священного знака. Он

вытер кинжал о грязный мех твари, убрал его обратно и склонился к задыхающейся жертве.

- Да, мразь, ты недостойна этого, но мне приятно лишиться твоих тёмных владык твоей души, если её можно назвать так. Этот символ указывает, что ты принадлежишь Кхаину, и после смерти достанешься ему, а не иной гонящей тебя силе. Осознай, какая тебе дарована честь, и как мало ты её заслуживаешь.

Зверолюд отчаянно хватался когтями за нагрудник Туллариса. Пускай. Тварь ничего не могла ему сделать. Наконец, свет в глазах дикаря погас.

- Владыка Кхаина, - прошептал палач, - я посылаю тебе это скромное подношение, первое из многих, в твою ночь, в Ночь Смерти. Пусть оно скрепит договор между нами. Даруй мне силы. Позволь мне совершить убийства в эту ночь во имя твое и во славу твою.

Конечно же, Тулларис в гуще битвы. Я бы гордилась им, если бы такая чувственная привязанность не была слабостью. Я ближе к нему, чем к любому другому живому существу, но не чувствую к нему ничего. Он полезен, он оружие, вот и всё. Однако... в такие времена, когда я уязвимее всего, могу признаться себе, что нуждаюсь в нём. Он - единственный из всех друкайи, которому я доверяю достаточно, чтобы позволить защищать меня. Я знаю, что он верен Кхаину. Он слышит голос нашего господина и исполняет его волю - хотела бы я сказать то же самое о себе. Я сражаюсь ради себя. Мои деяния прославляют Кроваворукого, поскольку убийства священны для него, но я делаю это потому, что наслаждаюсь ими. Рассекать плоть, слышать страдание в голосе, видеть, как жизнь покидает смертную оболочку - вот что даёт мне радость. Смерть - моя жизнь, как и у Туллариса.

Палач встал, вырвал из земли драйх и огляделся, ища новую жертву. Вокруг него на улицах бесчинствовали дикари и зверолюды, с которыми в свете пожаров сражалась горстка друкайи.

Начавшаяся полномасштабная битва быстро распалась на бесчисленные схватки с бандами мародёров и недолюдей, таившихся среди горящих домов. В последовавшие недели ведьмы из культа Кхаина проявляли себя вновь и вновь, в небольших боях самодостаточность и неистовая кровожадность этих дев-воительниц была идеальным подспорьем. И хотя палачи самого Туллариса были столь же сведущими в искусстве убийств, им было гораздо сложнее сражаться подобными методами. Если кому из друкайи и было спокойно с другими эльфами за спиной, то палачам. За годы, века и тысячелетия Тулларис сделал из них настоящую боевую единицу, обучив биться в сомкнутых рядах и полагаться на смертоносное мастерство не только себя, но и своих товарищей. Им не сразу удалось привыкнуть, перейти к требовавшейся в нынешнем положении партизанской войне.

Впрочем, сам Герольд был исключением. Он всегда был один и никогда не собирался никому доверять - этого не позволяло его возвышенное положение в культе. Он даже никогда по-настоящему не доверял ей. Хеллеброн. Тулларис служил ей всю жизнь, сколько себя помнил, с самой первой Ночи Смерти, когда с ним заговорил Кхаин и когда он совершил первое убийство. Хеллеброн была его жизнью, его госпожой, его любовницей, его королевой. Палача злило, что теперь, когда она была нужнее всего, когда их город горел и был осаждён врагами, Хеллеброн не была на улицах и не проливала кровь во имя Кхаина. Он посмотрел на вершину башни - высочайшего здания в городе, видного всем и отовсюду знака, что каждый эльф в Хар Ганефе был у неё на виду и в её руках. Тулларис гадал, наблюдала ли Хеллеброн за ним, наслаждалась ли славой, которую он приносил культу и их богу.

Мой чемпион вечно молод и силен. Одно это говорит о его связи с нашим владыкой, как будто кому-то нужны доказательства. Мощь Кхаина струится в его венах. Я знаю. Я вкусила её. Когда я окунаюсь в котёл крови и наполняюсь силой, то мы становимся грозной парой. Ничто не может устоять перед нами. Я наслаждаюсь резнёй, которую мы вершим. Но когда я становлюсь такой, как сейчас, то вижу в его глазах что-то, чего не понимаю. После долгих раздумий мне кажется, что это жалость. Для меня это чуждая эмоция, но я знаю, что он испытывает её. Это слабость, ведь я могла бы использовать его жалость, если бы захотела. Поэтому я отказываюсь чувствовать к нему хоть что-то.

Тулларис гордо вышел из-за угла на широкую и заваленную обломками улицу. Тихие наставления Кхаина привели его сюда мимо высоких домов с выбитыми дверями, где валялись изувеченные трупы павших в битве за свой город эльфов. Тулларис не чувствовал к ним жалости. Пусть слабаки умрут. Без них Хар Ганеф станет сильнее.

На улице перед ним были свалены в груды и подожжены тела. Мерцающий свет погребальных огней освещал людей в тяжёлых доспехах, окруживших воителя, который был выше их на целую голову и плечи. Его багряно-золотистая броня сияла, а в руке воин держал череполикый шлем, украшенный гребнем, похожим на угловатую руну их бога. Его лицо, свирепое и разбитое, также пятнала руна, похоже, нанесённая высохшей кровью. Это явно был какой-то могучий чемпион-северянин. Тулларис улыбнулся под своим череполиким шлемом - бог убийства привёл его к воистину достойной жертве.

- Грязный демонолюб, сразись со мной во имя Кхаина! - закричал палач. Чемпион обернулся, и его окровавленное лицо скривилось в ухмылке. Он махнул рукой, приказывая воинам отойти, отбросил шлем и поднял с земли огромный двухлезвийный топор. Чемпион шагнул вперёд, крича на своём варварском наречии. Сверкающие в свете костра руны на клинках его топора извивались, словно предвкушая схватку.

- Я не понимаю твоего языка, тварь, но сочту это за согласие.

Чемпион Хаоса взревел и ринулся на него, подняв оружие над головой. Тулларис стоял, легко сжимая одной рукой драйх. Когда же топор начал опускаться, то палач спокойно шагнул в сторону и неторопливо ударил клинком. Драйх впился в багряную броню чемпиона. Но это была не простая броня - на удар она отозвалась, как живая, и вцепилась в оружие. Тулларис попытался вырвать его, но драйх застрял.

Дикарь свирепо расхохотался и шагнул назад, повалив палача на грязную землю. Эльф перекатился, уходя от нового взмаха топора, и ударил ногой. Ступня встретилась с бронированной голенью, и боль отдалась в костях.

- Клятый Азуриан, - выругался Тулларис и вскочил на ноги. Он нырнул, уходя от широкого взмаха, схватил рукоять драйха и потянул. Клинок не поддавался. Эльф вновь отскочил назад от чемпиона, когда топор полетел к его шее. Герольд Кхаина оглядывался, тщетно ища себе оружие, но видел его лишь в руках восьмерых воинов Хаоса, которые теперь окружили сражавшихся. Пока что они с удовольствием наблюдали, но если Тулларис попробует вырвать себе меч или топор из их рук, то они наверняка вступят в бой. Обстоятельства будут против палача.

Как раз как он любил.

Я убираю гадательные линзы. Конечно, приятно смотреть как Тулларис расправляется с демонопоклонниками и прославляет этим Кроваворукого, но меня ждут другие дела. Солнце заходит, и мне пора приготовиться к ритуалу.

Я плотнее затягиваюсь в меха и поднимаюсь с трона. Спотыкаюсь, когда боль сводит спину. Хватаюсь за подлокотник и жду, пока пройдет волна мимолётного головокружения. Предстоит долгий путь через извивающиеся коридоры дворца к святилищу, где меня ждёт котёл. Там мои прислужницы будут читать ритуальные молитвы, принося в жертву достойных друкайи. Вот как должны умирать мои подданные, а не под примитивными топорами людей.

Пока я иду к двери, моё тяжело и бессильно бьющееся сердце стучит всё чаще. Мои ноги ломит, кости трещат, болит всё тело. Мне нужно вновь стать сильной. Эта слабость неприемлема. Мои сапоги тяжело бьют по каменному полу, и это привлекает внимание стражей.

- Госпожа, вы желаете пройти в святилище? – спрашивает меня один. Я не знаю, кто он. Я никогда не удосуживаюсь выучить имена простых палачей.

- Я желаю, чтобы ты нашёл лорда Туллариса, - говорю ему я. Мой голос – хриплый шёпот, треск бумаги в огне. Стражи переглядываются между собой.

- Для этого... может потребоваться время, моя госпожа, - говорит другой. – И наш господин будет очень недоволен, если мы оставим вас без защиты.

- Ты считаешь меня такой хрупкой и дряхлой, что я не могу защитить себя? – Во мне вспыхивает гнев, на мгновение испепеляющий всю боль и слабость. Палач отшатывается, словно от удара. Даже сейчас он чувствует мою ярость; я – Невеста Кхаина, и никому не следует вставать на моём пути. Я бы без лишних раздумий освежевала их заживо, а из кожи приказала бы сделать наволочки.

- Нет, моя госпожа, я...

- Лорд Тулларис будет недоволен гораздо сильнее, если окажется, что вы неверны культу и Кхаину, - выразительно добавила я. – И никогда не забывайте, что ваш господин – мой чемпион. Он отвечает передо мной.

Намёк был понят. По моей воле воины Туллариса уже теряли головы от Первого Драйха. Палач резко кивнул и последовал за своим товарищем прочь. Я медленно и тяжело пошла за ними. Потребовалось много времени – и я не знаю, как много – но я прошла через залы и коридоры, а затем начала спускаться по долгой спиральной лестнице. Тени сгустились и становились всё длиннее.

Одним плавным движением Тулларис выхватил кинжал и метнул его в глотку одного из наблюдавших воинов. Он бросился бежать прежде, чем клинок впился в порченую плоть человека, и выхватил тяжёлый меч из его меховых ножен, когда воин Хаоса ещё тяжело оседал на землю. Обернувшись, он поднял его и отразил удар топора вожака. Ответным взмахом он вонзил зазубренное лезвие меча в древко топора, разрубив его пополам. Чемпион отшатнулся, и Тулларис ударил вновь, развивая успех. Увидев боковым зрением, движение он обернулся, перехватив удар воина с третьим глазом на лбу. С полным кровожадного удовольствия рёвом палач вонзил клинок в глотку человека, а затем вырвал его из бока шеи.

Воин пошатнулся, из его раны фонтаном забила кровь, а затем он молча рухнул лицом вниз в грязь. Тулларис отбросил меч и подхватил его алебарду. Он уклонился от взмаха меча другого воина и

прыгнул, подняв оружие над головой.

- Во славу Кхаина! - закричал Герольд, обрушив алебарду на чемпиона Хаоса и разрубив его череп пополам. Когда вождь рухнул, то его броня съёжилась и сгнила. Первый драйх рухнул в грязь. Тулларис подхватил его и обернулся к шести оставшимся воинам Хаоса. Один из людей уже мчался к нему с булавами в обеих руках. За ним бежали другие, подняв оружие и щиты.

Да, это станет приятным развлечением.

Я вхожу в зал, через который войду в святилище Кхаина, находящееся в самом сердце моего дворца. Оно расположено в месте великой значимости - месте, где в Наггароте впервые пролилась кровь. Поэтому его и построили здесь, поэтому вокруг него и вырос Хар Ганеф, мой город, посвящённый убийству во всех его обличьях.

Я спотыкаюсь и протягиваю левую руку, чтобы остановить падение. Глупая ошибка. Я чувствую, как что-то ломается в запястье, и проклиную свою глупость. Меня захлёстывают боль и адреналин, и я прижимаю руку к груди, баюкая её. Жалкое зрелище, но я не могу удержаться. Лишь тогда затуманенным взглядом я вижу нежданную преграду. Это одна из моих прислужниц. Её звали Лулианет, и она служила мне более трёх веков. Она видела мои самые славные и самые мрачные часы. Знала о моей ярости и о моих желаниях, часто делила со мной ложе. И теперь её нет, а на её лице застыла гримаса боли. Жуткой душераздирающей боли, которую я часто видела не бесчисленных лицах жертв моего неудовольствия. Я чувствую гнев - ярость на Лулианет за её слабость. Позволить себя убить... непростительно. Когда это закончится, я прикажу схватить её семью и пытать за её неудачу в служении мне.

Тени приближаются.

Воины пали после тяжёлого боя. Тулларис вышел из него почти невредимым, хотя после того, как воин с булавами прогнул нагрудник, броне потребуется внимание кузнеца. Палач шёл дальше, рассчитывая найти достойные жертвы, но вокруг были лишь пустые улицы и растущие тени. Приближалась ночь. Герольд вновь посмотрел на башню Хеллеброн. Где-то там она готовилась к ритуалу, возвращающему юность и могущество. Ему следовало бы быть с ней, как он был с ней каждый год бесчисленных веков, но Тулларис уже много недель сражался на улицах, с тех самых пор, как в город ворвалась Кровавая Орда.

Её гнев был величественным, но при этом странным образом жалким, когда немощ вынуждала Хеллеброн кашлять, давиться слюной и падать на колени, грозя возмездием всем богам губительного пантеона. Видя королеву ведьм такой, Тулларис всегда вспоминал, что он служит женщине, которую может прикончить одним щелчком пальцев, и власть в культе так близка, что можно протянуть руку и схватить её. Но он никогда так не поступал, не понимая до конца почему.

Заблудившись в своих мыслях, Герольд Кхаина едва заметил движение в тенях. Он обернулся, поднимая драйх в защитной позе, но там не было ничего. И вновь боковым зрением он увидел проблеск чего-то. Повернувшись вновь, Тулларис увидел, как во мраке потоки теней сплетаются в фигуру.

Сначала появились ноги - гибкие и мускулистые. Из них возникло стройное тело, от которого отделились длинные руки и голова, увенчанная гривой блестящих волос. Эта была женщина, прекрасная и явно жестокая. В руке она сжимала длинный посох, украшенный тремя зловещими клинками. Ленивый взмах другой руки - и орудие выпало из внезапно ослабевших пальцев палача. Ещё один жест -

и Тулларис рухнул на колени перед идущей к нему женщиной.

Она была юной и умопомрачительно прекрасной. Её кожа была белой как янтарь, пронизанный венами оттенка ясного неба. Её желтовато-карие глаза встретились с взглядом Туллариса, и палача захлестнули воспоминания о ночах с Хеллеброн, но искривлённые так, что вместо неё он видел эту незнакомку. Когда он с трудом отвёл глаза, видения вновь исчезли, как развеянный ветром туман. Палач посмотрел вниз и увидел вытатуированную на его животе руну – острый символ, означающий Гронд. Теперь он знал, кем была эльфийка, как и кто её послал.

- Морати, - зарычал Тулларис.

- Нет, мой несущий ужас господин, - мурлыкнула она, - Я – не Морати, но ты ведь не это имел в виду, не так ли?

Голос кружащей вокруг Герольда колдуньи был игривым и весёлым. Всё ещё связанный повергнувшими его на колени чарами Тулларис не мог обернуться, и потому собрал в кулак свою волю и глубоко вдохнул, борясь с ними.

- Нет, но ты одна из её игрушек.

- А ты за словом в карман не лезешь, - соблазнительно улыбнулась колдунья. – Да, я принадлежу Морати, полагаю, так же как ты принадлежишь Хеллеброн.

- Я служу лишь Кхаину, как и моя королева, - спокойно ответил Тулларис. – Я служу ей лишь потому, что она – глава культа.

- Неужели? Как интересно. Возможно, что это только придаст моему предложению... убедительности.

- Твоя госпожа не может предложить мне ничего, что меня бы заинтересовало. Убирайся, ведьма, если не хочешь вкусить поцелуя Первого Драйха.

- О, как грозно, - усмехнулась она и подошла ближе, погладив его щёку свободной рукой, изучая, словно рабовладелец – живой товар. – Знаю, ты бы с радостью ощутил, как твой длинный клинок входит в мое тело, палач. Но тебе действительно стоит выслушать предложение. Леди Морати, королева Гронда и смертное воплощение святой Гекарти желает заключить союз с культом Кхаина.

Я заставляю себя подняться и не чувствовать боли, расходящейся по руке от сломанного запястья. Убийца Лулианет, кем или чем бы он ни был, ещё здесь. Я слышу дыхание и пытаюсь бежать, но моё жалкое тело вновь предаёт меня. От боли и тяжести я могу лишь ковылять, опираясь здоровой рукой на неестественно холодную стену. Нужно дойти до котла. Нужно стать сильной.

Я решаю пойти по самому прямому, пусть и опасному пути, поскольку он выведет меня из личных залов в главную галерею, ведущую через главные помещения дворца к открытому тронному залу. Туда же приходит великая дорога от самых внешних врат города. Те, кто хочет встретиться со мной, должны идти к сердцу Хар Ганефа. Значение этого очевидно, но не менее важно.

Я знаю, что эта часть дворца была местом схваток между моими воинами и захватчиками, но риск того стоит, да и меня уже и так кто-то преследует. Я чувствую это и гадаю, почему же они не нападают сейчас, пока я слаба и уязвима. Желая внушить мне страх? Остановить ослабевшее сердце ужасом? Как глупо. Вот уже семь тысячелетий я служу Кхаину, а шесть из них правила Хар

Ганефом. Страх сгорел во мне. Я просто разъярена.

- Покажись и сразись со мной, - шепчу я. Даже если бы я смогла повысить голос, то не стала бы, пытаясь избежать погони. - Или ты боишься меня, меня, ставшую сморщенной старухой?

И я слышу ответ. Вокруг смеются тени.

- Гекарти? Какое безумное тщеславие нынче охватило королеву лжи?

Тулларис был поражён. Госпожа Магии была одной из величайших богинь эльфийского пантеона. То, что Морати посмела взять себе её имя, было проявлением невероятного высокомерия. Лишь сам Малекит прежде называл себя избранным воплощением бога, самого Кхаина. И это было ложью. Тулларис знал это, ведь так сказал ему сам бог.

- Она - Гекарти, - сказала колдунья. - Всё меняется, Тулларис. Боги вновь идут по земле. Кхаин и Азуриан вновь сразятся, и весь мир содрогнётся. Но мифический цикл может и не повториться. Послушай, Тулларис, Кхаин может одолеть феникса. Если у него будет правильное вместилище, достаточно сильное. Вместилище, имеющее связь с Ним...

Тулларис задумался над её словами. Конечно, их подтекст тревожил, но открывающиеся возможности были воистину соблазнительными.

- И что же ты предлагаешь, ведьма?

- Моя госпожа хочет, чтобы ты занял место Хеллеброн во главе культа, - колдунья отвернулась. - Ты будешь помазан как Кхаин и объединишься с Гекарти. Убийство и магия будут вместе править Наггаротом.

- Малекиту это может не понравиться.

- С ним разберутся, - колдунья презрительно взмахнула рукой. - Планы уже приведены в исполнение. Владыка Хаг Граефа уже планирует смерть Малекита.

- Тёмный Клинок? - фыркнул Тулларис. - Его ждёт смерть.

- Не стоит недооценивать Малуса Тёмного Клинка. В нём скрыто многое, недоступное простому взору.

- В любом случае, твоё предложение интересно. От меня требуется только убить Хеллеброн?

- Нет. Об этом тоже уже позаботились. Нам нужно лишь, чтобы ты занял её место.

- Тогда я услышал всё, что хотел, - сказал Тулларис, вставая, и схватил колдунью за горло.

Я ковыляю изо всех сил, и, наконец, добираюсь до главной галереи. К моему изумлению, она пуста, хотя хаосопоклонники вот уже много недель атаковали её, пытаясь прорваться к храму Кхаина, чтобы по воле своего кровожадного божества осквернить священное место и посадить одного из своих чемпионов на мой трон.

Широкий проход завален телами эльфов, людей и зверолодей. Я тащу через них своё больное тело. До сих пор я держалась в тених, но не могу пересечь улицу и не выйти на свет лун - одна из них большая и бледная, а другая - маленькая и освещающая всё зелёным сиянием.

Вот я уже вижу святилище – великое здание из багрового мрамора. В своей спешке и желании добраться до него я забываю, где иду, и падаю, споткнувшись. На этот раз мне хватает ума не выставлять руки, и я падаю на гниющий труп одной из моих ведьм. Очередная слабачка, павшая от рук людей или грязных полукровок. Во все стороны летят мухи, а черви уползают прочь.

И прямо передо мной из теней возникает фигура. Женщина, юная и одетая в цвета Гронда.

- Ну конечно, - хриплю я, заставляя себя подняться на колени. – Одна из шавок Морати. Значит, она пользуется случаем покончить с нашей враждой.

Хороший план. Жаль, что я о нём не подумала первой.

Колдунья склоняется передо мной и снимает с пояса короткий нож. На нём выгравированы руны, танцующие вдоль клинка. Она смотрит мне в глаза.

- Всё меняется, и Морати нужно избавиться от тебя. Твоя злоба больше не греет её душу. Она поручила мне доставить сообщение прежде, чем этот нож погрузится в твоё сердце, королева ведьм.

- Прошу, просто убей меня и избавь от её безмозглого лепета...

Разъярённая колдунья бьёт меня и сбивает с ног. Я протягиваю руку, чтобы подтянуться, и чувствую что-то холодное. Что-то металлическое. Кхаин вновь избавил меня.

- Грядут великие перемены, - продолжает стрекотать колдунья. – Их видела моя госпожа. Восходит тьма, а боги идут. Кхаин воплотится, но с ним будет Морати, а не Хеллеброн, - она сжимает ритуальный кинжал обеими руками и бьёт.

Я перекатываюсь, хотя от этого всё тело и пронзает боль, и бью вверх длинным кинжалом, когда-то принадлежавшим моей ведьме. Наградой мне становится вопль боли. Она бьёт вновь и рассекает мне ногу, оставив длинную и глубокую рану. Я пронзаю убийцу, и кровь брызжет мне на лицо; проглотив её, я чувствую заключённую внутри силу. Я бросаюсь вперёд, боль уходит и опускается кровавый туман, придающей сил. На мгновение вспоминаются бредовые слухи, что Кхаин и тот Кровавый Бог, которому поклоняются северяне, являются одним существом. Я отбрасываю эти недостойные мысли. Мы не воюющие дикари, жаждущие крови и черепов... Хотя по мне этого сейчас не скажешь.

Когда жажда крови отступает, я стою на изувеченных останках колдуньи.

Я жалею, что у меня нет времени посвятить её смерть Кхаину.

Затем силы покидают меня, и я падаю. Кровь течёт из ноги, быстро немеющей вокруг раны – похоже, нож был отравлен. Я тащу себя одной рукой навстречу преобразению.

Колдунья Морати замахнулась свободной рукой, но Тулларис сломал ей запястье. Она взвизгнула от боли, когда он ещё крепче сжал шею.

- Вы послали убийц? – зарычал палач.

Она судорожно кивнула. Тулларис ослабил хватку.

- Нас трое, - прохрипела она. – Дракириты Морати. Я была послана к тебе. Мои сёстры уже должны быть

с кар...

Звучный треск оборвал слова колдуньи. Тулларис сломал ей шею и бросил тело на землю. Тени вокруг отступили. Ночь рассёк вой, за которым последовал другой. Оба доносились со стороны дворца Хеллеброн.

- Дракириты, - прошептал палач. - Ну и позёрство.

Да, назвать убийц именем богини возмездия было вполне в духе Морати, одновременно абсурдным и грандиозном. Однако они представляли совершенно реальную угрозу. Прямо сейчас ещё две выслуживали Хеллеброн во тьме её полузаброшенного дворца, и лишь Тулларис знал об этом.

Убийство посланницы не означает отказа от предложения Морати. Достаточно позволить сёстрам ведьмы ударить, и он встанет на путь, который сделает его одним из самых могущественных эльфов в Наггароте. Тулларис вновь посмотрел на пронзающую небо башню и попросил Кхаина наставить его.

Наконец я добираюсь до святилища моего господина. Обычно я бы насладилась архитектурой здания, прославляющего Кхаина, его великими статуями и фресками, изображающими его деяния времён Войны Богов. Но сейчас я слаба. Я умираю. Я оглядываюсь назад и вижу след крови, тянущийся от самого изувеченного трупа убийцы. Столько крови. Моё бедро и руку сводит от боли, и я едва чувствую ноги. Ещё один тяжёлый рывок приводит меня к котлу.

Я перекатываюсь на спину и смотрю на него и на далёкий сводчатый потолок, украшенный изображениями палачей Туллариса и моих ведьм. Мой взор притягивает статуя Кхаина, смотрящего на котёл крови. В одной могучей руке мой господин сжимает кинжал, а в другой – сердце. А ведь возможно, что сейчас он сжимает моё сердце, готовясь пронзить его. Моя смерть почти предрешена. Примет ли он меня к себе? Или слабость, из-за которой меня убила обычная колдунья, сделает меня навеки проклятой?

Я пытаюсь подтянуть себя по ступеням к котлу. Я не могу. Я пытаюсь. Я умру пытаюсь. Я не сдамся. Я горько смеюсь.

- Семь тысяч лет, семь тысяч лет на верной службе, и вот чем они закончатся? Я умру, истекая кровью, в считанных шагах от спасения в твоём святилище?

Я закрываю глаза. Когда я открываю их вновь, то вокруг лишь тьма. Я заснула? Нет, если бы я потеряла сознание с такой потерей крови, то не очнулась бы. Тогда что?

Тени движутся, и я понимаю. Они сгущаются, скручиваются в тело эльфийки. Ещё одна убийца. Ну конечно, Морати бы не послала только одну. Она выглядит почти как прошлая, они так похожи, что я бы подумала, что первая ожила, если бы не оставила её изувеченное тело в сотне метров.

- Я безоружна, - хриплю я. - Безнадёжна. Я в твоих руках. И я не жду пощады.

- Проявила ли бы ты её, если бы я оказалась на твоём месте? - её голос мягок.

- Нет, - признаюсь я. - Ты бы была уже мертва или бы страдала.

- Ну, тогда радуйся, что я не ты, Хеллеброн. Я не собираюсь тебя убивать, мне нужно сообщить тебе кое-что. Ты должна жить. Ты должна сорвать планы Морати. Она безумна, и она...

Её обрывают в прямом и переносном смысле, поскольку её голова слетает с плеч и укатывается куда-то во тьму. Её тело стоит, а затем падает, открывая палача с драйхом в руках. Но это не обычный драйх, и не обычный палач.

- Тулларис, - слабо шепчу я. - Котёл...

Он не говорит ничего. Он не двигается. Он смотрит на меня, не опуская первый меч. Медленно Тулларис снимает свой череполикий шлем, и в глазах его смертельный блеск. Я видела его много раз, но этот взгляд никогда не был направлен на меня.

И тогда впервые за долгое время я чувствую страх. И тогда впервые за всю жизнь я признаю, что нуждаюсь в Тулларисе Несущем Ужас. Что я люблю его. Это моя величайшая слабость. Любить кого-то, нуждаться в ком-то значит сделать себя уязвимым к нему. И теперь я уязвимее, чем когда-либо.

Долгое мгновение мы смотрим друг на друга, и я понимаю, что умру от рук своего чемпиона. Своего... любимого. Затем это мгновение заканчивается. Он бросает оружие и опускается на колени. Он поднимает меня, и я утопаю в его руках, позволяя себе потерять сознание. Последним, что я чувствую, становится погружение тела в кровь великого котла Кхаина.

Тулларис смотрел, как Хеллеброн выходит из котла крови. Её гладкая и бледная как алебастр плоть была столь же совершенной, как и в тот день, когда Тулларис впервые увидел её, когда Кхаин впервые заговорил с ним, и во имя его он впервые пролил кровь. После вдохновлённых божеством убийств она провозгласила его своим чемпионом, а затем взяла в свою постель. Это зрелище захватывало дух эльфа так же, как и в ту ночь тысячелетия назад.

Конечно, Тулларис обожал её так же сильно, как и боялся – даже когда Хеллеброн выглядела, словно Морай-Хег. Но сейчас, после обновления, госпожа выглядела как богиня. Пусть Морати сколько угодно провозглашает себя Гекарти. Для Туллариса Хеллеброн была воплощённой Атарти, госпожой желаний.

Она спускалась к нему по ступеням медленно и грациозно, а багровые капли падали с неё на отполированные камни и стекали в желобки так же, как это было каждую такую ночь за шесть тысячелетий...

Но Тулларис чувствовал, что больше не увидит такого вновь.

Хеллеброн остановилась перед ним на расстоянии вытянутой руки, глядя на него глазами, в которых смешались торжество и желание.

- Мой чемпион, - выдохнула она. - Нам предстоит разделить вместе вновь столько удовольствий.

- Да, моя госпожа, - ответил он, вдыхая запах её тела, смешавшийся с железным привкусом крови. - И первым из них будет убивать вместе с тобой, и смотреть, как ты слизываешь кровь с Первого Драйха.

Она рассмеялась, отчего по спине палача прошла дрожь.

- Ну конечно, любовь моя. Всё это и многое другое. Но сначала, - быстрее, чем мог уследить даже Тулларис, она протянула руку к его поясу и выхватила кинжал. В следующее мгновение он оказался прижат к его шее. - Что они тебе предложили, Тулларис? Что они предложили тебе за моё убийство?

- Моя госпожа?

Она надавила на ножи, и палач ощутил, как он пронзает кожу. По лезвию потекла кровь.

- Мы всегда были с тобой честными, Тулларис. При всех наших изъянах мы всегда были честными. Не изменяй этому.

- Они предложили мне культ, моя королева. И место при дворе Морати, правление Наггаротом.

Свирепо усмехнувшись, Хеллеброн поднесла кинжал ко рту и осторожно слизнула жидкость.

- И всё же я жива. Я была в твоих руках, и ты пощадил меня.

- Да.

- Почему?

Она посмотрела в его глаза и увидела в них самую страшную вещь в своей долгой жизни. Смятение.

- Я поступил так, как мне велела совесть, моя королева.

- Твоя... совесть? – она произнесла слово так, будто впервые услышала его. – Тулларис, ты меня поражаешь. Вот уже шесть тысячелетий ты верно служил мне, а я даже не догадывалась, что в тебе есть такая слабость.

- Слабость?

- Ты пощадил меня, хотя мог получить славу и влияние, о котором простые друкайи не могут даже мечтать. Это слабость. Это мерзко.

Она отвернулась.

- Моя госпожа...

- Она пыталась мне о чём-то рассказать, - Хеллеброн склонилась к отрубленной голове третьей убийцы. - И я хочу знать что, - она подняла голову и неторопливо подошла к котлу, где опустила её в пузырящуюся кровь. Прошептав несколько заклинаний, она её вытащила.

И голова завопила.

Держа её за волосы, Хеллеброн отвесила голове крепкую пощёчину. Та закрутилась, на землю полетели зубы. Голова затихла, а глаза уставились на королеву ведьм.

- Что... что происходит? – простонала она. – Боль. Столько боли!

- И эта боль лишь малая часть того, что я могу заставить тебя ощутить, - сказала Хеллеброн. - Я могу вырвать твой дух из когтей Эрета Киала и принести тебе такие муки, которые ты даже не можешь представить. Расскажи мне, что же происходит, и возможно я тебя пощажу.

- Я... я предала Морати, - голова запнулась. - Я пришла предупредить тебя. Она видела грядущее и роль, которую ты сыграешь. Она хотела убить тебя прежде, чем ты сорвёшь её планы. Но если её планы не сорвать, то мы все обречены.

- Говори яснее, ничтожество, - зарычала королева ведьм.

- Приближается Рана Дандра. Надвигается погибель, и боги вновь идут по земле.

- Убитая мной на улице говорила то же самое, - заметил Тулларис.

- Несущий Ужас! - голова попыталась повернуться, взглянуть на него. Хеллеброн склонила её в ту сторону. Плоть на глазах слезала с черепа, касавшегося старым и потрескавшимся. - Ты тоже сыграешь роль, Герольд Кхаина. Ты приведёшь его в этот мир, хотя так и не увидишь его прихода. - Она помедлила. - Когда Клинок Тьмы будет разбит таящимся внутри него, ты падёшь перед желающим стать королём выскочкой, а Владыка Убийства воспрянет вновь.

- Я умру, служа Кхаину?

- Это неважно, - перебила его Хеллеброн. - Что ещё, колдунья?

- Король-Чародей сгорит и перестанет быть, а с ним не станет и друкайи. А ты, королева ведм, больше не будешь Невестой Кхаина. Ты станешь наложницей Кхорна, - голова расхохоталась, и от этого движения последние клочья плоти оторвались и слезли с костей. Череп ещё щёлкнул челюстями, а затем завопившая от ярости Хеллеброн бросила его в котёл, где он и раскололся. Она повернулась к Тулларису.

- Глупости, - процедила она. - Безумная выдумка Морати.

Тулларис не ответил. Он помнил дракриту, убитую им на улице. В её глазах сверкал огонь фанатизма, пыл истинно верующей. Последние слова черепа кружили в его мыслях. Может ли Хеллеброн продаться Губительным Силам? Может ли её жажда убийства быть направленной на более мрачные цели? Он пытался отбросить эти мысли.

- "Рана Дандра", - сплюнула Хеллеброн. - Древняя легенда и ничего более. Пойдём, Тулларис, я засиделась здесь. Пора показать варварам истинное величие бога убийства.

Она повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло то же пламя веры. Оно было знакомым и приятным, наполняющим Туллариса мощной смесью эмоций. Но под ним таилось нечто ещё. Нечто, чего он никогда не видел прежде. Казалось, что это было презрение, и оттого палачу лишь сильнее хотелось проявить себя, показать ей, что он не слаб. Он крепко сжал рукоять Первого Драйха и описал им восьмёрку.

- Да, моя королева, - зарычал Тулларис. - Давайте найдём вам одежду и оружие, а затем вернём наш город.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Невеста_Кхаина_-_Bride_of_Khaine_\(рассказ\)&oldid=9391](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Невеста_Кхаина_-_Bride_of_Khaine_(рассказ)&oldid=9391)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:55.